

Джованни Боккаччо

Фьезоланские нимфы

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-1
ББК 84-5

Джованни Боккаччо

Фьезоланские нимфы / Джованни Боккаччо – М.: Книга по Требованию, 2011. – 106 с.

ISBN 978-5-4241-1491-5

Джованни БОККАЧЧО (1313 - 1375) - итальянский писатель, создатель биографии Данте.

Пасторально-идиллическая поэма "Фьезоланские нимфы" составлена из античных легенд и поэтических творений. Произведение очень лирично, психологически точно в описании чувств и переживаний героев, реалистично в описании природы.

ISBN 978-5-4241-1491-5

© Издание на русском языке, оформление, « Yoyo Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Джованни Боккаччо
ФЪЕЗОЛАНСКИЕ НИМФЫ

I

Амур мне петь велит. Пора настала.
Он в сердце, как в дому, провел лета.
Великолепье сердце мне связало,
Блеск ослепил; я не нашел щита,
Когда лучами душу пронизало
Сиянье глаз. Владеет мною та,
Что, ночь и день из слез и вздыханий
Сплетя, томит — вина моих терзаний.

II

Амур меня ведет и побуждает
В труде, что я отважился начать!
Амур меня на подвиг укрепляет,
И дар, и мощь — на всем его печать!
Амур меня ведет и просвещает,
Внушив мне долг — о нем повествовать!
Амур меня подъял для воссоздания
Старинного любовного преданья!

III

И вот — всю честь ему воздать я смею:
Ведь водит он один пером живым,
Что вручено мне донною моею
Достойнейшей: никто с ней не сравним.
Всех выше добродетелью своею,
Красой и благородством неземным,
В упрек она не слышала б ни слова,
Когда б хоть миг была не столь сурова.

IV

Теперь молю у вас я обороны,
Любовники счастливые! Мой враг —
Завистник злоречивый, распаленный
Да всякий, кто в любви и нищ, и наг.
И вас, все в мире дорогие донны,
Не с сердцем ледяным, от ваших благ
Молю — молить одну: не. будь надменной
С тем, кто перед тобою — раб смиренный!

V

Давно когда-то Фьезоле не знало
Ни стен, ни частокола; весь народ —
А было там людей в те поры мало —
Ютился у излюбленных высот
Окружных гор; и брошена лежала

Внизу равнина — из-за терпких вод
Болотных, непригодных человеку
И разливавшихся в большую реку.

VI

Царила вера ложная в то время
В порочных, лживых, грубых, злых богов,
И так возросло злореднейшее семя,
Что всякий мнил: их светлый лик таков
На небе, как и здесь. Людское племя
Им не жалело празднеств, и даров,
И почестей. А всех превыше чтили
Юпитера в его державной силе.

VII

Еще царила той порой богиня,
Что названа Дианою. Она,
Для многих жен заветная святыня,
От девственниц особо почтена.
И той — ее прямая благостыня,
Что век свой целомудрию верна.
И с торжеством таких она немало
В свои леса и рощи принимала.

VIII

А многие бывали при рожденье
Посвящены родителями ей —
То по обету, то в благодаренье
За милости и блага для детей.
Диана всех брала в свое владенье
Охотно: для нее всего милей
Девичество хранить, бежать пред мужем:
Пускай мы браку, суетные, служим.

IX

Итак, по всей земле высоко чтили
Богиню-девственницу. Но к холмам
Вернемся фьезоланским. Тут служили
Ей ревностно. Во славу ей, а вам
В услышанье перескажу я были
О девственном содружестве. Все там
Тогда прозваньем нимфы величались
И с луком и со стрелами являлись.

X

Из этих дев Дианой набиралось
Число большое тут, в краю холмов,

Хоть в их среде открыто оставалась
Она лишь изредка: па ней трудов
Лежала тьма: для всей земли старалась
Дать от обид мужских она покров;
Но ежели во Фьезоле бывала,
Такой и вид, и облик принимала:

XI

Стройна и высока, равна красою
Величью, взором и лицом она
Лучилась столь лучистою звездою,
Что верилось — в Эдеме создана,
Вблизи слепила смертный взор собою,
Сиянием лучей окружена,
А кудри светлые — не словно золото:
Их цвет к лицу шел более богато.

XII

Она обычно вольно распускала
Над шеей незакрытой их разлив;
Туника в легких складках ниспадала,
Стан стройный покрывала, не сокрыв;
Ткань тонкая вся белизной сияла
Безукоризненной; на ней красив
Был крепкий пояс; а поверх порою
Пурпурный плащ — огнистою игрою.

XIII

Летами — двадцать пять — являлась дева,
Как юной мощи полная пора.
Во длани лук она держала слева,
Колчан висел у правого бедра,
Весь полный стрел, — разить в порыве гнева
Не только зверя, — нет: разит, бодро,
За нимф и за себя пылая местью,
Мужей, кто б ни был — шаг ступи
к бесчестию!

XIV

И Фьезоле такую посещала
Диана — нимф любезных повидать,
Им милости и блага расточала
И часто их любила собирать
У светлого ль ручья, иль где ширяла
Лесная тень, — в те дни, когда сиять
Дано все выше солнцу и согрето —
Не в холоде, не в зное — медлит лето.

XV

Тут нимф она в беседах укрепляла
 Блюсти священный девственный обет.
 Подчас охоты, ловли обсуждала —
 Занятий их любимейший предмет —
 Меж тех холмов: они зверей немало
 Травили, их отыскивая след.
 К успехам впредь и ради упражненья
 Она давала девам наставленья.

XVI

Она была их мудрая опора,
 Как я сказал, в ловитвах и стрельбе.
 А уходя, всего того собора
 Наместницу Диана по себе
 Им оставляла — нимфу, властно, скоро
 Ее избрав. И в клятве и божбе
 Все обещали ей служить покорно
 Иль гибнуть от ее стрелы позорно.

XVII

Ей подчинялись с ревностью великой,
 Она как бы Дианою была.
 И каждая, одетая туникой
 (Льняная, тонкотканная и белая), —
 Гроза смертельная всей твари дикой,
 У каждой лук — на смелые дела.
 Хоть леопард ей попадется пестрый, —
 Без промаха сражен стрелою острой.

XVIII

Тогда земля цвела красою мая,
 Цветами яркими светился луг,
 И соловьи, блаженство изливая,
 У светлых вод влюбленность пели вслух.
 И юноши, в огне любви пылая,
 Отвагой, радостной питали дух,
 Когда во Фьезоле пришла Диана
 Держать совет средь воинского стана.

XIX

Среди цветов и трав земного лона,
 У светлого ручья, что чуть шумит,
 И медленно влечет волну у склона
 Чечер-горы, с той стороны, где вид
 На солнце в полдень, в выси небосклона

Лицом к лицу слепительный открыт, —
Ручья, что ныне все зовут Аквелли,
С Дианой нимфы всей толпой сидели.

XX

Итак, толпа блестящая шумела
На светлом берегу у ручейка.
Одна из нимф неожиданно, быстро, смело
Воспрянула, пряма, стройна, легка,
И в рог певучий громко зазвенела,
Чтоб смолкли все. И рог молчит. Рука
Рог опустила. Все сидят. Молчанье.
Все смотрят на Диану в ожиданье.

XXI

Она сказала, как обыкновенно,
Что каждая должна себя блюсти,
Чтоб муж не подошел к ней дерзновенно.
«А лишь случись мужчину здесь найти,
Извергну, как врага, его мгновенно, —
Посмей он к вам с обманом подойти
Или с насильем. Та ж, кто обольстится, —
Та жизни от руки моей лишится».

XXII

А между тем, сокрытый в чаще темной,
Где этот грозный заседал совет,
Безусый юноша, румяный, скромный, —
Да было ль Африко хоть двадцать лет? —
С кудрями светлыми, с улыбкой томной,
Весь — словно лилия иль роза, нет —
Как яблочко (здесь, недалеко, с детства
С родителями жил он без соседства), —

XXIII

Вдруг юноша, сокрытый, очутился
Вблизи Дианы. Шаг еще ступил —
И говор нимф, что звонко разносился,
И вид живой его остановил.
Тогда в пещеру тихо он сокрылся,
И слушал, и дыханье затаил.
Невидимый блистательным собором,
В него впился он напряженным взором.

XXIV

Глядит: Диана, властная, сурова
В делах и в мыслях, выше всех стоит,

И говорит, и заплыть готова,
И гневно луком, стрелами грозит;
А нимфы робки, не проронят слова,
Страшит их и чарует грозный вид
Ее чела, — безмолвны, бездыханны,
Потрясены угрозами Дианы.

XXV

И видит: по велению богини,
Встает одна из нимф, легка, быстра
(А избрана по той она причине,
Что всех достойнее). «Пришла пора, —
Глас прозвучал, — вас покидаю ныне.
Сидите. Слушайте. Стоит сестра
Пред вами, Альфинея. Почитайте
Ее теперь как бы меня. Прощайте».

XXVI

Стоял и слушал Афро, дивуясь.
И приковала взор его одна.
И через миг, лицом ее любуюсь,
Почуял: сердце ранено до дна.
Уже вздыхал и чувствовал, волнуясь,
Огонь любви. Так жарко зажжена
Желания вся нега: любоваться
Лишь ей одной, одной — не оторваться.

XXVII

Он говорил себе: «О, кто б со мною
Равнялся в счастье, — только бы ее,
Вот эту девушку — назвать женою?!
Мне сердце шепчет вешнее мое:
Никто б не жил блаженной под луною.
Когда б не гнев богини — о, свое
Свершил бы я, — ее бы взял я силой,
И у меня никто б не отнял милой».

XXVIII

Так чаша свежая еще таила
Любовника влюбленного, — воздев
Чело, Диана видит, что светило
Дневное в небе никнет, потускнев,
Лишенное лучистости и пыла, —
И вот она и лик веселый дев
Идут на холм, поют, непринужденны,
Прекраснейшие песни и канцоны.

XXIX

И Африко, очей не отрывая,
Глядит и слушает. Встают, и вот
Его любимую зовет другая:
«Пойдем же, Мензола!» Она встает —
И так легка, подружек нагоняя!
Рассыпался прекрасных нимф народ
По хижинкам укротным понемногу,
Диану проводивши в путь-дорогу.

XXX

Пятнадцать было нимфе лет едва ли,
Златились кудри длинные у ней,
Ее одежды белизной сияли,
Прекрасен был лучистый взгляд очей.
Кто в них глядел, не ведал тот печали;
Вид ангела, движенья — нет стройней,
Рука стрелой играет заостренной.
Но где теперь покинутый влюбленный?

XXXI

Он одинок, задумчивый, унылый,
Безмерному страданию обречен.
Оставленный прекрасноликой милой,
Без сил прервать мелькнувший страстный
сон, —
«Увы мне! О, с какою мучит силой
Минувший миг блаженный! — молвит он. —
Подумать только: где и как найду я
Теперь ее, в отчаянье тоскуя?

XXXII

Не знаю той, что вдруг меня сразила,
Хоть слышал: Мензола — так имя ей.
Покинув, осмеяла, изъязвила,
Меня не видев, о любви моей
Не ведая. О, знай: мне все не мило,
И груз любви — что миг, то тяжелей!
Ах, Мензола прекрасная, мне больно!
Твой Африко покинут, хоть невольно!»

XXXIII

Потом он сел, где милая сидела,
Где только что он любовался ей,
Прелестною; все глубже пламенела
Огнем кипящим грудь, все горячей,
И, наземь повергаясь то и дело,

Он длит игру Амуровых затей,
Лобзал траву, шепча: «О, ты блаженна:
Тебя касалась та, что совершенна».

XXXIV

И говорил: «Увы мне! — вздыхая. —
Судьбина зла. Сегодня же вела
И соблазняла — о, совсем иная!
Счастливого — злосчастью обрекла, —
И девушка-дитя, сама не зная,
На жалкий путь страдальца повлекла.
Мне нет вождя, хранителя, — все втуне.
Одной любви я верен — и Фортуне.

XXXV

Хоть знала бы она, как пламенею
Любовью к ней, иль видела б меня!
Нет, страстью бы испугана моею
Она была, — и, всякого кляня,
Кто, полюбя, владеть хотел бы ею,
Она бежала б этого огня,
Смятенная: она ведь ненавидит
Всех нас, мужчин, какого ни увидит.

XXXVI

Что делать мне? Все кончено. Ужели
Открыться ей? Себя же погубить.
Молчать — нет сил, молчать всего тяжеле:
Огонь в груди все будет злей томить.
Так, умереть. Жалеть о жизни мне ли?
Пусть этой муки оборвется нить:
Ведь не погаснет этот пламень жгучий, —
Смерть все равно предстанет неминучей».

XXXVII

Таких речей излил тогда немало
Влюбленный юноша. Но видит он —
Заря погасла, ночь уже настала
И вывездил давно уж небосклон, —
И как душа помедлить ни желала
На месте милом, молвил как сквозь сон,
Себя одолевая: «Так, злосчастный,
Пускай хоть встречу день, мой день
ненастный».

XXXVIII

Он все же встал, побрел, едва шагая,